

Д. И. Петин

«Людам трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири

К осени 1919 г. Красная Армия заняла весь Урал и большую часть Западной Сибири. Для региона это несло перемены не только в политическом режиме, но и в финансах и экономике. Острой проблемой социально-экономической сферы, вставшей перед новой властью на вновь присоединяемых территориях, стала унификация местного денежного обращения. Ключевым вопросом была судьба денежных знаков, выпущенных в обращение в Сибири в период контрреволюции.

Примечательно, что в историографии, несмотря на популярность среди исследователей темы функционирования финансов в период гражданской войны, данный аспект затрагивается фрагментарно. В частности, в работах А. В. Алямкина, А. Г. Баранова, В. М. Рыноква, М. В. Ходякова, И. С. Шикановой¹ неоднократно упоминается приказ Иркутского губернского ревкома № 3 от 18 февраля 1920 г., ставший конечной хронологической точкой процедуры аннулирования советской властью в Сибири колчаковских денежных знаков. Однако сами действия по аннуляции «сибирских» денег полного освещения не получили.

16 августа 1919 г. практически сразу после вхождения войск Красной Армии в Западную Сибирь было широко опубликовано «Обращение ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам

**Петин
Дмитрий
Игоревич,**
кандидат
исторических наук,
доцент, Омский
государственный
технический
университет;
главный архивист,
Исторический архив
Омской области
(Омск, Россия)

и трудовому казачеству Сибири». В одном из пунктов документа официально декларировалось возобновление хождения «общегосударственных советских денежных знаков и бонов»². Но советская власть на Урале и в Сибири столкнулась с острым дефицитом денег, имевших платежную силу в РСФСР. При этом денежный рынок освобождаемых территорий был унифицирован белогвардейскими деньгами (преимущественно «сибирскими» казначейскими знаками и краткосрочными обязательствами Государственного казначейства)³. Но это тяжелое условие было на руку лишь товарно-денежной спекуляции, создававшей угрозу полного экономического хаоса. Поэтому для советской власти в денежном обращении на вновь присоединяемых территориях Сибири важно было аннулировать и изъять денежные знаки, выпущенные антисоветскими режимами. Известный советский экономист Л. Н. Юровский назвал это «ликвидационной тенденцией» и частью мероприятий Наркомфина РСФСР по унификации денежного обращения окраин страны⁴.

9 апреля 1919 г. нарком финансов РСФСР Н. Н. Крестинский высказался в отношении будущего белогвардейских денег на территориях, вновь присоединяемых к РСФСР: «Оплачивать деньги белых — значит закреплять финансовое положение белых в еще занятых ими областях, ибо население, зная, что мы белые деньги оплатим, их охотнее принимает; ни в коем случае не оплачивать даже малоимущим, вознаграждая их на иных основаниях вне зависимости от наличия белых денег»⁵. И Наркомфин предписывал «в целях соблюдения единообразной политики денежного обращения на всей территории РСФСР, выпущенные властью белых денежные знаки безотносительно к районам, объявлять аннулированными. Выпуск советскими правительственными кассами подобных денег, а также прием их в платежи и к обмену, безусловно, должен быть прекращен»⁶.

В итоге, по общему правилу, установленному Наркомфином, белогвардейские денежные знаки аннулировались. Выбор момента для объявления аннуляции предоставлялся местным ревкомам в зависимости от снабжения занятого региона общероссийскими деньгами и других условий⁷. Таким образом, вопрос дальнейшей судьбы белогвардейских внутренних финансовых обязательств и денежных знаков был решен, как писал Л. Н. Юровский, «на основании чисто политических соображений и однозначно»⁸.

Не позднее начала сентября 1919 г. Наркомфин направил в Сибревком особый циркуляр об аннулировании белогвардейских денежных знаков на вновь присоединяемых к РСФСР территориях Сибири. Документ указывал, что сроки аннуляции местные власти должны устанавливать, согласовав действия с губернскими советами народного хозяйства. Контроль над процедурой аннуляции в Сибири возлагался на главу Финансового управления при Сибревкоме⁹. Вскоре Сибревком издал постановление, где населению вновь присоединяемых территорий было объявлено: «Деньги, выпущенные объявленным вне закона, самозвано наименовавшим себя верховным правителем, изменником Колчаком, признаются не имеющими хождения во всей Сибири. Население должно отказываться от их приема. Во всей Сибири восстанавливается хождение советских денег и денег, обращающихся в советской власти»¹⁰. В дальнейшем это постановление Сибревкома стало главным нормативно-правовым документом, которым руководствовались ревкомы Сибири всех уровней при аннуляции «сибирских» денег.

Аннулирование и изъятие белогвардейских денег в Сибири шло с сентября 1919 г., развиваясь с продвижением РККА на восток. Первые в регионе распоряжения об этом были сделаны в Кургане (24 августа 1919 г.) и Тюмени (16 сентября 1919 г.)¹¹. К концу 1919 г. в Тюменской (Тобольской), Омской, Алтайской и Томской губерниях хождение «сибирских» денег было прекращено распоряжениями Сибревкома, губернских и уездных ревкомов. В Енисейской и Иркутской губерниях на основании аналогичных распоряжений местных советских властей аннуляция белогвардейских денег прошла в январе-феврале 1920 г. Таким образом, официально на территориях, подконтрольных Сибревкому, аннуляция «сибирских» денежных знаков произошла к 18 февраля 1920 г., когда об этом объявил Иркутский губревком¹².

Изначально, осенью 1919 г., к категории аннулируемых большевиками за Уралом белогвардейских платежных средств относились «сибирские» казначейские знаки, краткосрочные обязательства Государственного казначейства и «американские» боны 50 коп. В начале 1920 г. с занятием советской властью Енисейской и Иркутской губерний в список аннулируемых белогвардейских денег вошли также облигации и купоны I, II и III разрядов внутреннего 4½ % Выигрышного займа 1917 г. Их выпуск по нарицательной стоимости в качестве денег был осуществлен правительством А. В. Колчака в конце 1919 г. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

На практике переход рынка от «сибирских» к советским деньгам был сложен и неоднозначен. В Зауралье в течение первых дней с момента освобождения местности от колчаковцев «сибирские» деньги ходили наравне с немногочисленными советскими деньгами и суррогатами. Но слухи о грядущей отмене белогвардейских денежных знаков вызывали среди населения тревогу. При этом ревкомы и красноармейские части для расчетов с организациями и населением активно использовали «сибирские» деньги, которые вскоре были аннулированы¹³. Колчаковские генералы Г. И. Клерже и К. В. Сахаров в мемуарах подтверждают данный тезис, называя «сибирские» деньги одним из объектов спекуляции красноармейцев¹⁴.

Как правило, аннуляция «сибирок» объявлялась в течение первых дней с момента занятия города частями РККА и начала восстановления советских порядков. Но были города с прилегающими уездами, где хождение «сибирских» денег продолжалось еще в течение трех-четырех недель с момента установления советской власти (Акмолинск, Бийск, Курган, Семипалатинск и Иркутск)¹⁵. В то же время, слухи о грядущей аннуляции распространялись среди населения очень быстро. Еще за неделю до издания властью соответствующего постановления об аннуляции рынок губернии или уезда уже не принимал «сибирские» деньги¹⁶. Народ в этот момент начинал суматошно сбывать «сибирки», скупая без разбора все подряд, у граждан, еще не знавших об аннуляции¹⁷. Однако во многих случаях для учреждений и организаций аннуляция колчаковских денег стала неожиданностью.

Проблема аннулирования белогвардейских денег была напрямую связана с продовольственным вопросом, который всякий раз заново становился актуальным, когда к РСФСР присоединялись новые территории Сибири. В итоге, из-за процветания денежной спекуляции, рядовые граждане, на чьи плечи ложились основные тяготы в связи с аннуляцией, несли значительные убытки. Об этом с мест массово поступали жалобы и просьбы урегулировать положение в денежном обращении, но до октября 1919 г. они оставались без внимания Наркомфина¹⁸.

В данный период некоторые специалисты Наркомфина РСФСР, понимая тяжесть обстановки на местах в связи с аннуляцией, предлагали временно допустить хождение белогвардейских денежных знаков во избежание образования острого дефицита наличности в обращении, и, как следствие парализации хозяйственно-экономической жизни провинции. Но советским руководством такие идеи из-за политических и идеологических принципов категорично отвергались¹⁹.

В данной непростой ситуации материальная поддержка государством населения — выплата пособий по случаю аннулирования белогвардейских денег — была единственным (хотя не в полной мере действенным) шагом к стабилизации социально-экономического положения в советской Сибири. Выдача пособий на сибирских территориях, будучи не до конца регламентированной Центром, сначала опиралась на опыт революционных властей Урала. Так, в сентябре-ноябре 1919 г. в отношении суммы компенсации каждый раз ревкомы ориентировались на местные условия: в Тюмени и Тобольске пособие населению выдавалось в размере 70% от месячного оклада²⁰. В Кургане выплата была фиксирована (составила, по одним данным, 200 руб., по другим — 300 руб.)²¹.

Тем не менее, под давлением обстановки в Наркомфине РСФСР признали необходимость того, чтобы урегулировать вопрос компенсирования населению издержек по аннуляции белогвардейских денег, издав общее постановление о порядке аннулирования и возмещения убытков. Коллегия Наркомфина, проанализировав на заседании 10 ноября 1919 г. возникшую проблему, постановила: «Исходя из положения, что хождение белогвардейских денег совершенно недопустимо, денежные знаки, выпущенные белогвардейскими правительствами аннулировать. Принимая, однако, во внимание, что непризнание этих денег и запрещение их хождения ставит беднейшую часть населения освобождаемых местностей в крайне тяжелое положение, Коллегия НКФ, рассмотрев вопрос об аннулировании белогвардейских денежных знаков, постановила выдавать рабочим, служащим и красноармейцам пособие на нижеследующих основаниях: 1. Рабочим и служащим, находившимся в освобождаемых местностях до прихода Красной Армии, выдается пособие в размере не свыше месячного оклада содержания. 2. Рабочим, служащим и красноармейцам, пришедшим в освобождаемую местность вместе с Красной Армией, у которых могли образоваться некоторые суммы белогвардейских денег от размена советских денежных знаков, выдается пособие не свыше полумесячного оклада содержания»²².

При этом исчисление пособий для лиц, находившихся в освобождаемых местностях на момент прихода РККА, производилось по ставкам, существовавшим накануне при власти белых. Лицам, пришедшим вместе с РККА и предоставившим удостоверения о принадлежности к профсоюзам, исчисление проводили по действующим общероссийским ставкам²³. Красноармейцам, как особой категории населения, компенсационные выплаты по аннуляции белогвардейских денег предписывалось осуществить в течение двух месяцев. Выплата пособий для всех перечисленных выше категорий населения была единовременной и производимой один раз на каждое лицо, о чем в специальных документах делалась особая отметка²⁴. Но сумма пособия, как таковая, зафиксирована не была. Тем самым власть получала возможность «маневрировать», а в итоге терпели убытки рядовые держатели аннулируемых денег.

С продвижением советской власти на восток право на компенсацию по аннуляции белогвардейских денег в Сибири, наряду с советскими рабочими, служащими и красноармейцами, получили и партизаны, как зачисленные в ряды РККА, так и уволенные по ранению. Пособия получали и лица, находившиеся при заводах, мастерских и караульных командах в повстанческих местностях²⁵.

Права получить пособие по аннуляции «сибирских» денег лишались служащие из числа тех, которые при власти правительства А. В. Колчака «имели собственные предприятия или какие-либо иные доходы, не состоя при этом на службе в правительственном или в общественном учреждении»²⁶. Возмещение убытков от аннулирования белогвардейских денег различным организациям и учреждениям (в том числе потребительским обществам, кооперативам и пр.) специальным предписанием Наркомфина категорично воспрещалось²⁷.

В то же время, порядок выплаты денежных компенсаций по аннуляции, которым с декабря 1919 г. руководствовались ревкомы в Сибири, был выработан 24 ноября 1919 г. на совместном заседании Омского ревкома и членов Сибревкома, где обсуждался вопрос о размере пособий по аннуляции «сибирских» денег и сам механизм выплат. Причиной обсуждения стал продовольственный коллапс в Омске из-за отмены «сибирских» денежных знаков. По итогам заседания решили выдавать единообразное пособие по аннуляции «колчаковок» на следующих основаниях. Бедным и средним крестьянам было решено выдавать пособие не более 3600 руб.; горожанам — 1200 руб., производя выплату пособий в два этапа: первая выдача — 600 руб., вторая выдача — продуктами на 600 руб. через кооперативные лавки²⁸.

Выдачи пособий осуществлялись ревкомками через свои отделы труда и социального обеспечения. Всем учреждениям и организациям для получения пособия их сотрудниками предписывалось предоставить в отделы труда губревкомов требовательные ведомости²⁹. Вторую половину пособия в 600 руб. могли получать только рабочие и служащие, которые не пользовались готовым столом по месту трудоустройства³⁰. Постановлением Сибревкома от 3 января 1920 г. выдачи единовременных пособий по аннуляции белогвардейских денег должны были производиться «в установленный срок»³¹. Решением Финансового управления при Сибревкомке от 7 февраля 1920 г. ходатайства организаций и учреждений, опоздавших с подачей списков на получение пособия, не рассматривались и оставались неудовлетворенными. В случае осуществления губревкомками таковых компенсаций по опоздавшим ходатайствам означенные выплаты признавались авансами с погашением³².

На практике первая часть пособия, отпускаемая наличностью, иногда выдавалась в меньших размерах. Так, в Новониколаевске, Щегловске, Барнауле и Бийске она составила 500 руб.³³ В Енисейской губернии выплата осуществлялась «в размере двухнедельного заработка»³⁴. С выдачей второй части пособия иногда происходили значительные задержки³⁵. В Восточной Сибири масштабный рост цен, наблюдавшийся на рубеже 1919–1920 гг., значительно усугублял и без того тяжелое положение населения. При этом надо отметить, что в Западной Сибири месячный прожиточный минимум в это время составлял около 2000 руб.³⁶ В Восточной Сибири данная цифра была больше — и это дополнительный аргумент в пользу того, что пособия по аннуляции не возмещали реальных убытков держателей «сибирок».

Размер выплат, не успевавший за ценами вольного рынка, не компенсировал населению в полной мере потерь от аннуляции. Даже полностью выплаченное пособие не покрывало реальных убытков населения. Среди горожан было большое число тех, на кого выдача пособий не распространялась. Их положение, по сравнению с другими категориями населения, было практически безвыходным. Единственным наиболее правильным действием в данной ситуации, по мнению советских властей, было установление твердых цен и скорейшая организация на вновь присоединяемых территориях Сибири единого заготовительного и распределительного аппарата. При этом центральными властями ставка делалась и на то, что сибирский регион в ресурсном отношении был более богатым по сравнению с европейской Россией³⁷.

Выплаты единовременных пособий по случаю аннулирования «сибирских» денег производились до 7 мая 1920 г., пока Финансовое управление при Сибревкоме специальным циркуляром не предписало всем губфинотделам Сибири окончательно «прекратить прием прошений о возмещении убытков от аннулирования в силу того, что удовлетворены пособием все заинтересованные лица»³⁸. Но прошения о возмещении убытков поступали и после опубликования этого объявления. Всем просителям в удовлетворении предъявляемых ими требований было отказано. В разъяснениях говорилось, что «выдача пособий имела смысл в самый момент аннулирования, когда трудовое население оказалось совершенно без денег из-за отсутствия на руках новых»³⁹.

Чтобы снизить остроту положения в социальной сфере, наиболее дальновидными советскими властями на местах принимались дополнительные меры. Так, в Новониколаевске рабочим и служащим, наряду с безвозвратным пособием, выдавалось авансом 500 руб.⁴⁰ Беженцы и эвакуированные по аннуляции белогвардейских денег с санкции губревкома в Новониколаевске получали одежду и продовольствие. Наиболее нуждающимся лицам в Новониколаевске и Томске по специальным ордерам давали бесплатные обеды за счет губотдела социального обеспечения⁴¹. Иркутский губпродком сразу после аннуляции «сибирских» денег установил твердые цены на продовольствие и товары повседневного спроса. При этом для льготных категорий — пролетариата и советских служащих — цены устанавливались на 20–40% ниже, чем для других категорий населения⁴². Надо отметить, что подобные меры социально-экономического регулирования и поддержки населения в условиях обесценения бумажных денег и стремительного роста рыночных цен на продовольствие и товары первой необходимости были вполне оправданными.

Наиболее оптимальную политику в отношении социальной защиты неимущих слоев населения при аннулировании белогвардейских денег проводили советские власти в Алтайской губернии. Так, Алтайский губревком, объявляя своим приказом от 21 декабря 1919 г. о прекращении хождения «сибирских» денег, предписывал организовать для городского пролетариата и беднейшего крестьянства, не имеющих хлеба, временный бесплатный отпуск продовольствия. Снабжение им городского населения производилось по спискам предприятий и специальным удостоверениям. Не имеющие хлеба и средств граждане деревень и сел удовлетворялись по их заявлению сельскими ревкомами (исполкомами). Для этого, согласно инструкции, разработанной председателем губернского ревкома В. В. Аристовым, в селах были

специально созданы особые продовольственные фонды. Соль деревне отпускалась бесплатно⁴³. В приказе также оговаривалось: «Крестьяне, продавшие свой скот и сельскохозяйственные орудия на колчаковские деньги, могут заявить об этом своему волостному ревкому, который вправе расторгнуть сделку, возвратит проданный скот и орудия, но лишь в тех случаях, когда продажа производилась по нужде, а не из избытка и была сопряжена с нарушением хозяйства»⁴⁴.

Опасением резкого усиления денежной спекуляции советская власть объясняла отказ от льготного обмена в Сибири белогвардейских денежных знаков на деньги, признанные в РСФСР. Следовательно, было важно вывести «сибирки» из обращения. Поэтому местные ревкомы, объявив аннуляцию, старались стянуть в свои кассы уже недействительные белогвардейские деньги⁴⁵. Но в отношении организаций и учреждений, имевших внутренний финансовый аппарат, сделать это было проще, чем среди населения. Сложность была в том, что сразу после объявления об аннуляции белогвардейских денег население, советские организации и учреждения сталкивались с проблемой «денежного голода», парализовавшего местную жизнь. Особенно сложными были первые недели с момента объявления аннуляции. Сами же ревкомы оказывались в тупиковой ситуации, когда им приходилось нести большие расходы в условиях дестабилизированного снабжения финансовым подкреплением, вызванного неудовлетворительной работой транспорта. Первый председатель Сибревкома И. Н. Смирнов в 1920 г. по вопросу аннулирования «сибирских» денег весьма откровенно отмечал в одном из выступлений: «при вступлении в Сибирь советское правительство не рассчитывало на такой быстрый успех советских войск, а полагало, что будет укрепляться в некоторых пунктах и наводнять своими кредитками население. Мы хотели ударить по буржуазии, что и осуществлялось, но эта палка другим концом ударила по рабочему и крестьянину»⁴⁶.

К концу ноября 1919 г. в Западной Сибири нехватка денег, образовавшаяся вследствие изъятия «сибирских» денег, привела к выбросу в обращение большого числа различных денежных суррогатов (облигаций, купонов и т. п.), находившихся на руках у населения⁴⁷. В некоторых городах Восточной Сибири (например, в Иркутске) в начале 1920 г. в обращение стала попадать даже тезаврированная звонкая монета⁴⁸. Причем, по оценкам специалистов Наркомфина, на востоке России (по сравнению с другими регионами) в денежном обращении отмечалось «большое количество» монеты из драгоценных металлов⁴⁹. Тем не менее, вопрос денежного дефицита не был снят появлением тезаврированных бумажных денег и звонкой монеты; более того, «денежный голод» стал усугубляться далее. Возникшие затруднения были связаны и с тем, что после изъятия «керенок», проведенного колчаковским Минфином, у населения оставалось на руках весьма небольшое количество «керенок» и «думских», совершенно отсутствовали мелкие деньги⁵⁰. Видовые изменения, происходившие в это время на денежном рынке, вносили неясности. Они приводили к недоразумениям при расчетах и приеме в платежи разных видов денег (как среди населения, так среди учреждений и организаций). Свое особое недовольство по этому поводу выражали представители городской торговли. Губфинотделы и Финансовое управление при Сибревкоме в этот период получали массу писем от организаций и учреждений с просьбами «разъяснить, какие

деньги имеют хождение в пределах советской России», «дать точные инструкции о хождении денег» и т. п.⁵¹

Аннулирование «сибирских» денег было крайне негативно встречено иностранцами, находившимися тогда в Сибири. Таковых держателей «сибирских» денег особенно много было в Иркутске. Все они, аргументируя свои требования различными доводами, категорично требовали не распространять на иностранных подданных постановление Иркутского губревкома об аннуляции «сибирских» денег. Но по распоряжению председателя Иркутского губревкома Я. Д. Янсона, всем служащим иностранных дипломатических миссий, находящихся в Иркутске, единовременное пособие по аннуляции «сибирских» денег выдавалось наравне с русскими гражданами; а вопрос полного или частичного обмена на советские деньги находящейся в консульствах наличности, представленной в «сибирских» деньгах, являлся уже компетенцией Совета Народных Комиссаров РСФСР и Народного Комиссариата иностранных дел. Что касается прошений китайцев, живших в Иркутской губернии, то советскими властями эти жалобы рассматривались как необоснованные и не подлежащие удовлетворению (прежде всего, из-за большого числа денежных спекулянтов именно среди китайцев)⁵².

Особую категорию иностранцев, живших тогда в Сибири, составляли военнопленные Первой мировой войны (в основном немцы, австрийцы и венгры). С запретом советской властью обращения «сибирских» денег их материальное положение в значительной степени ухудшилось. Многих из них аннуляция лишила последних сбережений. Как писала иркутская пресса, на этой почве были отмечены даже случаи сумасшествия. Авторами большого числа ходатайств о разрешении обмена или выдаче пособия по случаю аннуляции, поступавших в Нарбанк от частных лиц, были главным образом военнопленные, а также ревкомы, куда обращались с запросами иностранные подданные из числа военнопленных. Среди множества денежных спекулянтов, появившихся в связи с аннуляцией «сибирских» денег в Восточной Сибири в начале 1920 г., было большое количество военнопленных. Очевидно, причиной этому было стремление хоть как-то компенсировать утраченные средства. Но в отличие от других категорий населения, военнопленные-иностранцы, фактически являвшиеся подданными других государств, не подлежали наказанию по советским законам, чем и пользовались⁵³.

Аннулирование «сибирских» денег стало причиной, то и дело порождавшей в данный период среди населения слухи об обесценивании, недействительности или скорой отмене вслед за «сибирскими» тех или иных категорий обращавшихся денег — «романовских» и «керенок», расчетных знаков РСФСР и суррогатов Сибревкома⁵⁴. Подобное явление, в ряде случаев значительно осложнявшее работу различных организаций и учреждений, рассматривалось советскими властями как «влияние злостной агитации темных элементов и контрреволюции», причем факты отказа от приема денег, имеющих платежную силу в РСФСР, отмечались и среди кассиров советских учреждений. В связи с этим ревкомы публиковались специальные приказы и обращения к населению, опровергавшие слухи; местным органам ВЧК и милиции ставилась задача всячески пресекать распространение таких сведений, а лиц, уличенных в подобных деяниях — привлекать к ответственности «как контрреволюционеров»⁵⁵.

Из-за сложности аннуляции белогвардейских денег в Сибири определенная роль в преодолении данной экономической трудности была уделена советской властью вопросу агитации и пропаганды. Этот пример идеологического воздействия на население с целью облегчения проведения болезненных экономических преобразований видится, по нашему мнению, весьма колоритным. Как стало видно в ходе поисково-исследовательской работы с источниками, ключевым способом распространения информации подобного рода стала периодическая печать — единственный агитационный рупор. На первых полосах советских губернских газет вскоре после объявления аннуляции «сибирских» денег публиковались специальные статьи, написанные в жанре политической публицистики. Эти работы были призваны разъяснить широким массам причины и необходимость данной экономической меры, проводимой советской властью. При этом открыто подчеркивалась политическая подоплека аннулирования белогвардейских денег. Практиковалась и перепечатка агитационного материала из других советских газет с незначительными изменениями текста воззваний.

Авторами этих газетных публикаций становились, как правило, лица, занимавшие должности в местных советских органах административного управления (обычно на уровне членов губревкома). Среди известных большевиков, готовивших такие воззвания к населению сибирских губерний, можно назвать А. П. Спундэ и В. В. Аристова (Астрова), причем последний является автором как минимум двух подобных публикаций⁵⁶. Как и в случае с выплатой пособий по аннуляции, практика публикации агитационных материалов, посвященных данному вопросу, возникла в качестве ответной меры после продовольственного инцидента в Омске в конце ноября 1919 г. После того как 24 ноября 1919 г. на совместном заседании Омского ревкома и Сибревкома был заслушан вопрос о помощи населению в связи с отменной хождения белогвардейских денег, члену Омского ревкома А. П. Спундэ было поручено составить специальное агитационное воззвание к населению Сибири. В нем должны были разъясняться причины аннулирования «сибирских» денежных знаков «с указанием на меры, применяемые советской властью к обеспечению интересов трудового населения»⁵⁷. В дальнейшем публикация советскими властями агитационных воззваний при аннулировании белогвардейских денег в Алтайской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях носила характер упредительного действия. Публикации выходили практически сразу (как правило, спустя один-два дня) после обнародования приказа об отмене хождения «сибирских» денег на территории данной губернии. А революционные власти Алтайской губернии в момент аннуляции «сибирок» даже выпустили специальную листовку⁵⁸.

Аннуляция «сибирских» денег по степени воздействия на социально-экономическую сферу была сравнима с обменом «керенок» и местных суррогатов «омской» властью на востоке России несколькими месяцами ранее. Аннуляция «сибирских» денег большевиками схожа с изъятием «керенок» правительством А. В. Колчака и в том, что ликвидационная процедура проводилась в условиях, когда политическим противником той власти, которая производила отмену и изъятие, еще выпускались аннулируемые деньги. Но по социально-экономическому резонансу аннуляция «сибирских» денег была более масштабна и губительна. Небольшой период официального (а иногда полуофициального)

хождения «сибирских» денег при советской власти, приводил к полной потере их платежной силы еще до официальной аннуляции. А сжатые сроки сдачи в советские кассы аннулируемых белогвардейских денег не позволяли держателям избавиться от них. Все это ухудшало и без того нелегкое материальное положение населения. Как отметил В. М. Рынков, процедура аннулирования и изъятия белогвардейских денег советской властью в Сибири в период в 1919–1920 гг. была конфискационным обменом⁵⁹. Эту мысль о сущности аннуляции поддерживает и В. Г. Кокоулин: «Новая власть не только издавала приказы, но и всеми мерами добивалась их неукоснительного выполнения, не останавливаясь перед прямым насилием»⁶⁰.

Аннулирование белогвардейских денег и компенсационные выплаты по аннуляции производились советской властью в 1919–1920 гг. одновременно в нескольких окраинных регионах, вновь присоединяемых к РСФСР. Позже всего аннулирование белогвардейских денег произошло в Крыму — в ноябре 1920 г.⁶¹ В результате ликвидационных мероприятий Наркомфина РСФСР в денежном обращении платежные средства антибольшевистских режимов были полностью аннулированы и в определенной массе изъяты из обращения. Но аннуляция белогвардейских денег в Сибири имела существенные отличия. Особенности черты изъятия несоветских денег в этом регионе были связаны прежде всего с объемами «сибирской» эмиссии, наиболее значительным географическим ареалом распространения «сибирских» денег (фактически весь восток России от Урала до Дальнего Востока, включая север Маньчжурии). Огромные территории обращения «сибирских» денег означали и большее количество держателей этих денежных средств. Таким образом, масштабность становилась причиной сложностей, с которыми сталкивались ревкомы, проводя аннуляцию. Это объясняет высокую степень влияния аннулирования «сибирских» денег на социально-экономическую обстановку в регионе и материальное положение населения. Нам не удалось выявить количественных сведений об объеме изъятых из обращения «сибирских» денег, но с уверенностью можно говорить, что значительная их часть так и не была изъята и осталась на руках населения.

На этом история лишенных платежной силы и изъятых из обращения белогвардейских денег не закончилась. Белогвардейским денежным знакам после их аннуляции советской властью суждено было перейти в совсем иную ипостась, став объектами культурно-исторического наследия революции и гражданской войны, музейно-коллекционными артефактами, рассказывающими о своей эпохе. Уже в 1921 г. в распоряжении Наркомфина оказался солидный и разнообразный запас аннулированного бумажноденежного материала военно-революционного периода. Начиная еще с этого времени, бонный материал реализовывался через ЦК Последгол, полученные средства шли на ликвидацию голода, борьбу с беспризорностью и неграмотностью⁶².

Таким образом, масштабная и болезненная процедура по аннулированию несоветских денежных знаков и унификации денежного обращения на территории вновь образованного государства — СССР — стала мощным толчком к развитию в 20-х гг. XX в. музейного и коллекционерского дела, а также отечественной бонистики.

- ¹ *Алямкин А. В., Баранов А. Г.* История денежного обращения в 1914–1924 гг. (по материалам Зауралья). Екатеринбург, 2005. С. 280; *Рышков В. М.* Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 127; *Ходяков М. В.* Деньги революции и гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 158; *Шиканова И. С.* Страницы отечественной истории в бумажных денежных знаках. М., 2005. С. 75.
- ² Советская Сибирь (Омск). 1919. 27 ноября. С. 1.
- ³ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 2324. Оп. 16. Д. 42. Л. 3 об–4; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8310. Оп. 1. Д. 1. Л. 167 об.–168; Денежное обращение во вновь присоединенных территориях // Известия НКФ. М., 1920. 3 апреля. С. 4.
- ⁴ Наше денежное обращение. М., 1926. С. 278–279; *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927). М., 1928. С. 155.
- ⁵ Цит. по: *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 161–163.
- ⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 45.
- ⁷ Там же. Л. 175.
- ⁸ *Юровский Л. Н.* Денежная политика советской власти (1917–1927). С. 161.
- ⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 148. Л. 27 об.; Д. 272. Л. 44.
- ¹⁰ Собрание постановлений и распоряжений Сибревкома. № 1. Омск, 1919. С. 16.
- ¹¹ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 55; Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920). Свердловск, 1967. С. 320–321.
- ¹² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 12; Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 17. Л. 65; Д. 25. Л. 5; Государственный архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 4; Исторический архив Омской области (далее — ГИАОО). Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 14; Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 53. Л. 27; Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.; Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 114. Л. 4.
- ¹³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 11, 25, 50 об., 80.
- ¹⁴ *Клерже Г. И.* Революция и гражданская война. Мукден, 1932. С. 165. *Сахаров К. В.* Белая Сибирь. 1918–1920. Мюнхен, 1923. С. 308.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1593. Л. 47 об. 83 об.; Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.; ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 3. Л. 16; Д. 219. Л. 1; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 50 об.; Д. 54. Л. 23; ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 205. Л. 14, 246.
- ¹⁶ ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 132. Л. 73 об.; *Альбицкий П.* Как проводилась финансовая политика в Сибири // Известия НКФ. М., 1921. Май-июль. С. 22.
- ¹⁷ Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: Сб. док./Автор-сост., науч. ред. канд. ист. наук Д. И. Петин. Омск, 2014. С. 146.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 33. Л. 1, 11, 50 об.; *Киев С. (Кистенев С.)* Денежные суррогаты // Известия НКФ. М., 1919. 3 октября. С. 8.
- ¹⁹ *Атлас З. В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М., 1940. С. 70.
- ²⁰ Деятельность Тюменского губфинотдела // Известия НКФ. М., 1920. 15 марта. С. 9–10; *Матч Э.* Наши финансы // Октябрьский сборник. Тюмень, 1922. С. 37; Государственный архив Тюменской области (далее — ГУТО ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 92. Л. 50, 57 об.; Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.
- ²¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 55; Д. 33. Л. 50 об.
- ²² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 181. Л. 3–3 об.
- ²³ Денежное обращение во вновь присоединенных территориях // Известия НКФ. М., 1920. 3 апреля. С. 4.
- ²⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 272. Л. 43–44.
- ²⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 48; Д. 78А. Л. 6; Д. 89. Л. 25; Партизанское движение в Западной Сибири в 1918–1919 гг. Партизанская армия Мамонтова и Громова. Новосибирск, 1936. С. 357.

- ²⁶ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.
- ²⁷ ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2. Л. 116; Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4060. Оп. 1. Д. 22. Л. 22.
- ²⁸ *Петин Д. И.* Финансовое положение в Омске в момент восстановления советской власти в конце 1919 г. // Гражданская война в Сибири: Мат-лы Всерос. заочн. науч.-практич. конф. Омск, 2013. С. 104.
- ²⁹ ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 2. Л. 16; Известия Омского ревкома. Омск, 1919. 22 ноября. С. 4.
- ³⁰ ГИАОО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 24. Л. 899; Аннулирование денег и рабочие // Знамя революции. Томск, 1919. 30 декабря. С. 3.
- ³¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 49. Л. 46.
- ³² Там же. Д. 88. Л. 54.
- ³³ Там же. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; Д. 14. Л. 31; ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 152. Л. 17.
- ³⁴ Центр документации новейшей истории Иркутской области. Ф. 300. Оп. 1. Д. 732. Л. 11.
- ³⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 116.
- ³⁶ ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об.
- ³⁷ *А. С. (Спундэ А. П.)* Советская власть и сибирские деньги // Советская Сибирь. Омск, 1919. 29 ноября. С. 1.
- ³⁸ ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 7. Л. 216, 226.
- ³⁹ ГАТО. Ф. Р-175. Оп. 1. Д. 5. Л. 15; ГУТО ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 61. Л. 25, 44.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 14 об.
- ⁴¹ Там же. Д. 1. Л. 53, 65; Аннулирование денег и рабочие // Знамя революции. Томск, 1919. 30 декабря. С. 3.
- ⁴² Подсчет автора по: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-8310. Оп. 1. Д. 3. Л. 88, 177.
- ⁴³ ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 122. Л. 5.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1. Л. 5; Д. 74. Л. 4; Д. 132. Л. 1.
- ⁴⁵ Действия и распоряжения местной власти // Советская Сибирь. Омск, 1919. 9 декабря. С. 4; Известия Иркутского губернского военно-революционного комитета. Иркутск, 1920. 20 февраля. С. 1; РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 16. Д. 42. Л. 3 об.-4; ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 17. Л. 65; ГУТО ГАТО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 4. Л. 27.
- ⁴⁶ Документы героической борьбы: Сб. док. мат-лов, посв. борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959. С. 429–430.
- ⁴⁷ ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- ⁴⁸ К аннулированию сибирских денег (Беседа с тов.[арищем] Виленским)... // Известия Иркутского губернского военно-революционного комитета. Иркутск, 1920. 20 февраля. С. 2; РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1593. Л. 48 об.
- ⁴⁹ Денежная реформа 1921–1924 гг.: создание твердой валюты. М., 2008. С. 69.
- ⁵⁰ Денежное обращение во вновь присоединенных территориях // Известия НКФ. М., 1920. 3 апреля. С. 4; *Альбицкий П.* Работа финансовых органов в связи с аннуляцией колчаковских денежных знаков // Известия НКФ. М., 1921. 1 сентября. С. 23.
- ⁵¹ ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 25. Л. 69–69 об.; ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 31–32; ГИАОО. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 7. Л. 12; Д. 9. Л. 4; Д. 10. Л. 3.
- ⁵² Известия Иркутского губернского военно-революционного комитета. Иркутск, 1920. 25 февраля. С. 2–3.
- ⁵³ К аннулированию сибирских денег // Известия НКФ. М., 1919. 18 октября. С. 14; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 201. Л. 4–4 об.; Власть труда. Иркутск, 1920. 16 апреля. С. 3; 27 апреля. С. 5.
- ⁵⁴ ГУТО ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 14, 140; Р-2. Оп. 1. Д. 61. Л. 81; ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 2. Л. 23; Д. 74. Л. 31–32; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60А. Л. 10; Ф. Р-1137. Д. 25. Л. 205, 206; Советская Сибирь. Омск, 1919. 11 декабря. С. 4; Власть труда. Иркутск, 1920. 28 мая. С. 2.
- ⁵⁵ Почему нет мелких денег? // Алтайский коммунист. Барнаул, 1920. 8 июля. С. 2; ГУТО ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 140; ГАНО. Ф. Р-1137. Оп. 1. Д. 25. Л. 206; ГААК. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 74. Л. 34.

⁵⁶ А. С. (Спундз А. П.) Советская власть и сибирские деньги // Советская Сибирь. Омск, 1919. 29 ноября. С. 1; Арис [т] ов В. Почему мы уничтожаем сибирские деньги. Известия Омского ревкома и Сибирского областного бюро РКП (б). Омск, 1919. 25 ноября. С. 1; Аристов В. Нужны ли нам колчаковские деньги? // Власть Советов. Барнаул, 1919. 23 декабря. С. 1.

⁵⁷ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 13; Д. 88. Л. 159. — С определенной долей вероятности мы можем предполагать, что статья В. В. Аристова в «Известиях Омского ревкома» также могла являться «следствием» того же самого заседания представителей советских властей в Омске.

⁵⁸ Аристов В. Нужны ли нам колчаковские деньги? // Власть Советов. Барнаул, 1919. 23 декабря. С. 1; Елькович Як. По поводу аннулирования «сибирок» // Знамя революции. Томск, 1919. 28 декабря. С. 1; Почему советская власть не признала колчаковских денег? // Красноярский рабочий. Красноярск, 1920. 16 февраля. С. 2; К аннулированию сибирских денег (Беседа с тов. [аришем] Виленским) // Известия Иркутского губернского военно-революционного комитета. Иркутск, 1920. 20 февраля. С. 1–2; ГААК. Ф. Р-10. Оп. 2. Д. 50. Л. 7.

⁵⁹ Рынков В. М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 — начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. С. 128, 166, 200.

⁶⁰ Кокоулин В. Г. Аннулирование колчаковских денег в Сибири (ноябрь 1919 — апрель 1920 г.) // Новосибирский архивный вестник. Новосибирск, 2012. № 36. С. 287.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 250. Л. 39, 43–45, 175; Ходяков М. В. Деньги революции и гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 132.

⁶² См. подробнее: Петин Д. И. Два документа, законодательно закрепившие бонистику // Петербургский коллекционер. 2013. № 5. С. 12–13.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Петин Д. И. «Людам трудового народа нечего бояться утраты бумажек, ставших ненужными»: к вопросу об аннуляции белогвардейских денежных знаков в Сибири // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 27–40. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.302
УДК 930.2+947+336.747

Аннотация: Данная статья посвящена процедуре аннулирования белогвардейских денежных знаков — одному из ключевых направлений советской финансово-денежной политики, проводимой на рубеже 1919–1920 гг. на территории Сибири. Дана связь освещаемого вопроса с общей историографией денежного обращения Сибири в годы гражданской войны. Аннулирование белогвардейских денег в Сибири показано как сложный и противоречивый процесс, дать которому однозначную оценку будет непросто. На основе комплекса неопубликованных источников, выявленных автором в фондах ряда федеральных и региональных архивов, а также библиотек, наглядно отражены принципиальные позиции большевистских властей в Сибири в отношении проведения в регионе социально-экономической политики, а также ряда ее последствий, таких как дестабилизация денежного обращения, создание условий для развития товарно-денежной спекуляции, нарушение работы организаций и учреждений, ухудшение материального положения и уровня жизни населения. Приведены примеры реакции некоторых категорий сибирского населения на меры советской финансово-денежной политики. В работе указываются направленные на стабилизацию положения в социально-экономической сфере конкретные мероприятия центральных и региональных советских властей, проводимые в Сибири на рубеже 1919–1920 гг. К таким примерам можно отнести выплату специальных пособий, установление льготных цен (как меры социальной поддержки), специальную печатную агитацию (как форму разъяснительной работы с населением) и др. В заключительной части работы автором проводятся сравнительные параллели: относительно сопоставления финансово-денежной политики колчаковской и советской властей в Сибири в период гражданской войны, а также относительно особенностей проведения аннулирования белогвардейских денежных знаков в сибирском регионе.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, советская власть, экономическая политика, денежное обращение.

Сведения об авторе: кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный технический университет; главный архивист, Исторический архив Омской области (Омск, Россия); dimario86@rambler.ru

FOR CITATION

Petin D. I. "Working People Must Not Fear the Loss of Paper, that Became Unnecessary": The Cancellation of Banknotes of 'Whites' in Siberia (Autumn 1919–1920), *Modern history of Russia*, no 3, 2016. P. 27–40. DOI 10.21638/11701/spbu24.2016.302

Abstract: This article is dedicated to the procedure of cancellation of the White Guard banknotes — one of the main areas of the Soviet financial and monetary policies pursued at the turn of 1919–1920 in Siberia. Cancellation of the White Guard money in Siberia is shown as complex and contradictory process. The article is based on the documents from federal and regional archives and libraries. The author searches positions of the Bolshevik government in Siberia, in respect of the regional social and economic policy, as well as a number of its effects, such as the destabilization of monetary circulation, creating conditions for the development of commodity-money speculation, disrupt organizations and institutions, the deterioration of the material conditions and living standards. The author gives examples of the reaction of certain categories of Siberian peoples on the measures of the Soviet financial and monetary policy. The article tells about stabilization activity in the socio-economic sphere, specific actions of the central and regional Soviet authorities that carried out in Siberia at the turn of 1919–1920. Such examples include payment of special allowances, the establishment of preferential prices (as measures of social support), a special print campaign (as a form of explanatory work with the population), etc. In the final part of the paper, the author conducted comparative parallels: relative comparison of the financial and monetary policy of Kolchak and Soviet authorities to Siberia during the Civil war.

Keywords: Civil War, Siberia, Soviet power, economic policy, currency.

Author: Candidate of History, Associate Professor, Omsk State Technical University chief archivist, Historical archive, Omsk region (Omsk, Russia); dimario86@rambler.ru

References:

- 1 Alyamkin A. V., Baranov A. G. *Istorija denezhnogo obrashhenija v 1914–1924 gg. (po materialam Zauralya)* (Ekaterinburg, 2005).
- 2 Rynkov V. M. *Finansovaja politika antibolshevistskikh pravitelstv vostoka Rossii (vtoraja polovina 1918 – nachalo 1920 g.)* (Novosibirsk, 2006).
- 3 Khodjakov M. V. *Dengi revoljucii i grazhdanskoj vojny: denezhnoe obrashhenie v Rossii. 1917–1920 gg.* (St. Petersburg, 2009).
- 4 Shikanova I. S. *Stranicy otechestvennoj istorii v bumazhnykh denezhnykh znakakh* (Moscow, 2005).
- 5 *Nashe denezhnoe obrashhenie* (Moscow, 1926).
- 6 Yurovskiy L. N. *Denezhnaja politika sovetskoj vlasti (1917–1927)* (Moscow, 1928).
- 7 Klerzhe G. I. *Revoljucija i grazhdanskaja vojna* (Mukden, 1932).
- 8 Sakharov K. V. *Belaja Sibir. 1918–1920* (Munich, 1923).
- 9 *Finansovaja politika i denezhnoe obrashhenie v Sibiri. 1917–1920: dokumenty Istoricheskogo arhiva Omskoj oblasti: Sb. dok., Comp., ed. D. I. Petin* (Omsk, 2014).
- 10 Atlas Z. V. *Oчерки po istorii denezhnogo obrashhenija v SSSR (1917–1925)* (Moscow, 1940).
- 11 Match E. 'Nashi finansy' in *Oktjabskij sbornik* (Tumen, 1922).
- 12 *Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoj Sibiri v 1918–1919 gg. Partizanskaja armija Mamontova i Gromova* (Novosibirsk. 1936).
- 13 Petin D. I. 'Finansovoe polozhenie v Omske v moment vosstanovlenija sovetskoj vlasti v konce 1919 g.' in *Grazhdanskaja vojna v Sibiri: Mat-ly Vseros. zaochn. nauch.-praktich. konf.* (Omsk, 2013).
- 14 *Dokumenty geroicheskoj borby: Sb. dok. Mat-lov, posv. borbe protiv inostrannoj intervencii i vnutrennej kontrrevoljucii na territorii Enisejskoj gubernii (1918–1920 gg.)*. (Krasnojarsk, 1959).
- 15 *Denezhnaja reforma 1921–1924 gg.: sozdanie tverdoj valjuty* (Moscow, 2008).